

В.Ф. ПАНОВА

*КРУЖИЛИХА
ЕВДОКИЯ*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П16

Серия «Эксклюзив: Русская классика»

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фереца*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Панова, Вера Федоровна.
П16 Кружилиха : [роман] ; Евдокия : [повесть] /
Вера Федоровна Панова. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 416 с. — (Эксклюзив: Русская классика).

ISBN 978-5-17-181773-2

Действие романа «Кружилиха» происходит в последние месяцы Великой Отечественной войны. В рабочем городке на Урале находится крупный оборонный завод, где круглые сутки гремят заводские цеха. Там война свела очень разных людей, но их объединяет стремление помочь фронту. Роман про людей, которые своим трудом приближали победу, про инженеров, конструкторов, вчерашних школьников, которым раньше времени пришлось повзрослеть и наравне со взрослыми встать к станкам.

В небольшом провинциальном городке живут рабочий по имени Евдоким и его жена Евдокия. Оба трудолюбивые, работающие и хозяйственные, но своих детей у них нет, поэтому они взяли на воспитание приемных. Их жизнь может показаться на первый взгляд незамысловатой, обыденной, однако на самом деле она полна сильных страстей, ярких и важных событий, заставляющих глубоко сопереживать героям.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-181773-2

© В. Панова, наследники, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2026

КРУЖИЛИХА

В прозрачном золоте, в воздушно-алом сиянье над широкой рекой поднимается солнце. Вместе с солнцем поднимается в небо медленный, торжественный гудок. Он заглушает грохот паровозов, шум машин, человеческие голоса — и беззвучно проходят паровозы по заводскому двору, беззвучно сбрасывают свой груз подъемные краны, беззвучно шевелят губами люди... Могучий гудок долго плывет по реке, его слышат в городе, который стоит в девяти километрах от Кружилихи.

По гудку к проходным устремляются люди. Одни пришли пешком из поселка, другие приехали трамваем, большинство — поездами. Длинные поезда подвозят и подвозят людей к полустанку — из города, из пригородов. Только остановится поезд, народ высыпает из вагонов и спешит к заводу — и приливает, приливает, приливает толпами к проходным. Тулупы, ватники, кожанки, шинели, штатские пальто, меховые шубки. Платки, ушанки, шлемы-буденовки, вязаные шапки. Мужчины и женщины, брюнеты и блондины, высокие и малорослые, веселые и печальные, озорные и скромные — десять тысяч людей добрых всякого роду племени сошлось на завод на дневную смену.

Гудок утихает медленно, он словно спускается с высот — ниже, ниже, припадает к земле, расплывается по ней, замирает где-то в недрах глухой басовой нотой. Протекли, разлились по цехам людские потоки. Только охрана осталась в проходных... Смена началась.

Глава первая

ЛИСТОПАД

В морозный январский вечер генерал Листопад, директор Кружилихи, отвез жену в больницу.

Больница была хорошая, лучшая в городе. Мирзоеву, шоферу, приказано ехать с особой осторожностью.

— Чтобы как по воздуху! — сказал Листопад.

И Мирзоев, который во время беременности Клавдии был отмечен как самый внимательный из шоферов, превзошел самого себя: не ехали — плыли.

— Мы тебя, Клаша, словно на руках перенесли, — сказал Листопад, помогая жене выйти из машины.

Стояли у чугунных решетчатых ворот. За воротами был двор с большими белыми деревьями, и в глубине двора — родильный корпус. Над входом в корпус неярко горел фонарь. От ворот к крыльцу, между высокими, в рост человека, сугробами, была расчищена дорожка-ущелье. По этому ущелью Листопад довел Клавдию до крыльца. Она шла быстро, возбужденная; Листопад слышал ее дыхание. Он сжал ее локоть и сказал:

— Не волнуйся, все будет хорошо.

— Я вовсе не волнуюсь, с чего ты взял? — сказала Клавдия.

В вестибюль вошли вместе, а дальше Листопада не пустили. Пожилая женщина в белом халате и очках завладела Клавдией, а ему велела уходить и взять с собой Клавдину шубку. Шубка новая, котиковая, предмет забот и восторгов Клавдии.

— В самом деле, — сказала Клавдия, — возьми ее домой, а будешь нас забирать — привези, не забудь.

Она радостно засмеялась, и Листопад улыбнулся, представив себе, как повезет отсюда Клашу с ребенком... Он записал номер телефона дежурного врача. Клавдия крепко поцеловала его в губы и пошла вверх по лестнице, сопровождаемая женщиной в очках. Листопад вернулся в машину.

— Вот, — сказал он с притворной досадой, садясь рядом с Мирзоевым, а шубу кладя на заднее сиденье, — вечно наградят какой-нибудь чепухой на постном масле. Никогда не женись, Ахмет, канитель с ними. Придется в театр тащиться с шубой.

В театре происходило в этот вечер совещание городского партактива.

Листопад опоздал. Идя через фойе, он видел в приоткрытую дверь тесные ряды голов в партере и слышал голос Макарова, первого секретаря горкома партии. Судя по долетавшим фразам, Макаров начал доклад уже давно. Через кулисы Листопад прошел на сцену, в президиум. Люди за длинным красным столом потеснились и дали ему место посередине. Сейчас же Зотов, директор авиазавода, прислал ему записку: «Ты что опаздываешь?» Листопад на том же листке написал ответ: «Жену отвозил в родильный». И видел, как записка пошла по рукам и как все читавшие сочувственно улыба-

лись... Зотов перегнулся за спиной соседа к Листопаду и сказал громким шепотом:

— Причина уважительная. Поздравляю.

— Рано! — так же шепотом ответил Листопад, но про себя подумал, что это может произойти каждую минуту.

Надо будет позвонить в больницу из театра после конца заседания...

Он ждал прений. Доклад интересовал его мало: все, что говорил Макаров, предварительно обсуждалось на бюро горкома, и некоторые цифры для доклада Листопад посылал Макарову сегодня утром. Листопад руководил заводом с сорок второго года и был в городе свой человек.

Листопад всматривался в зал. Где там его люди — коммунисты Кружилихи? Рябухина, парторга, здесь нет: он в госпитале, на той неделе ему оперировали флегмону, вызванную засевшим в голени осколком. Вчера Листопад говорил по телефону с профессоршей. Профессорша сказала, что Рябухин еще не раз вернется на операционный стол, потому что возни с осколками, застрявшими в его голени, хватит лет на двадцать... Заехать завтра проведать Рябухина. А приятель Уздечкин где? Вон он, приятель Уздечкин, сидит крайним в пятом ряду и хмуро смотрит в лицо докладчику, а сам думает о Листопаде и до смерти хочет посмотреть на него, но удерживается. И нарочно сел с краю, чтобы ловчее было выходить к трибуне, когда придет время выступать.

Ах, Уздечкин, Уздечкин, ведь ломаешь себе шею дурацким своим упрямством. Доведешь меня до крайности — что с тобой, Уздечкин, будет? Ду-

маешь, тебе рабочие верят больше, чем мне? Не век тебе сидеть на выборной должности. Специальность у тебя пустяковая, да и забыл ты ее за эти годы. Вернуться на производство при твоей амбиции тебе будет ой нелегко!..

У Уздечкина на лице напряженная гримаса, он бледен, худ и некрасив, как все болезненные и плохо побритые люди. И Листопад, который любил все красивое, здоровое и веселое, посматривал на Уздечкина морщась...

Зато приятно смотреть на старика Веденева: он пришел на актив в черной тройке превосходного сукна, хотя и старомодной. На нем белоснежный крахмальный воротничок и темный галстук, усы и седые виски аккуратно подстрижены. Вид именинника. Молодец, Никита Трофимыч! Знай наших. Вот какие у нас на Кружилихе рабочие-кадровики!

Никита Трофимыч сегодня и вправду именинник: он получил известие о старшем сыне Павле (младший убит в сорок третьем году). Павел вылечился, ему сделали протез, он прислал письмо отцу и в свою цеховую парторганизацию. Пишет, что скоро приедет. И старик Веденев, забыв свою гордую сдержанность, сияет от счастья... Да, в такую годину хоть без ноги, но возвращается сын, — большое счастье...

Макаров закончил доклад и сошел с трибуны. Когда он сел на свое место в президиуме, его умный, чуть лукавый взгляд скользнул по лицу Листопада. Листопад понял: Макарову наперед известно все, что будет сейчас говорить Уздечкин. Поддержит он Уздечкина или не поддержит?

Выступали коммунисты — главным образом рабочие Кружилихи и авиазавода. Они говорили о вещах, которые в газетах называются производственными неполадками.

Листопад и сам знал, какие у него неполадки. Это были участки, куда он еще не добрался и где требовалось его вмешательство. Старик Веденеев рассказал о том, что новый пресс, о котором столько было разговоров, до сих пор не пущен.

— Мы через партийную организацию и технические совещания неоднократно обращали внимание директора, — сказал он, посмотрев в сторону Листопада.

Листопад кивнул головой: верно, обращали. На секунду ему стало досадно, что всплыла история с прессом. Два месяца назад Зотов чуть не оборвал у него телефонный провод — христом-богом молил: уступи мне пресс, я в следующем квартале получу, отдам. Листопад не уступил. Теперь Зотов обижен. Он пишет записку: «Ты что же как собака на сене: мне не дал и сам не пользуешься...»

Ладно. Пойдет пресс, не завтра — послезавтра пойдет.

После Веденеева выступила работница с авиазавода и рассказала, что многие жилища у них в очень плохом состоянии и дирекция не принимает мер. Зотов нахмурился, перестал писать, качался на стуле... Листопад хотел было написать ему ядовитую записочку, но не успел: на трибуну взошел Уздечкин.

Знакомство Листопада с Уздечкиным произошло меньше года назад. Когда Листопад принял завод, председатель завкома Уздечкин был при-

зван в армию. На фронте его тяжело контузило, он долго лечился, в действующую его обратно не пустили, а послали в Омск, на политработу. Он писал на завод отчаянные письма, прося его выручить и забрать домой. Рябухин занялся этим делом и выхлопотал Уздечкину разрешение вернуться на завод, где его вскоре снова выбрали председателем завкома.

Уздечкин осмотрелся и пришел к Листопаду с кучей претензий.

— Нет, в это вы не путайтесь, будьте любезны, — сказал ему Листопад. — Это предоставьте мне.

— Извините, товарищ директор, — сказал Уздечкин, — разве вы не знаете, что это прямая функция профсоюза?

— Не знаю, — сказал Листопад, которому Уздечкин сразу не понравился. — Это ваша забота — знать свои функции.

— А социалистическое соревнование вы с нас спросите? — осведомился Уздечкин.

— Не я спрошу, — ответил Листопад, — фронт спросит.

— Этот разговор, — сказал Уздечкин, — придется продолжить в другой обстановке.

— Не к чему, — сказал Листопад, — потому что ничего нового вы от меня не услышите.

С того дня, разгораясь и накаляясь, шла эта борьба. Листопада она иногда раздражала; Уздечкина сжигала, как чахотка.

Листопаду говорили, что у Уздечкина большое несчастье: жена его пошла на фронт санитаркой и погибла в самом начале войны; остались две ма-

ленькие девочки, подросток — брат жены и больная старуха — теща; Уздечкин в домашней жизни — мученик. Листопад был равнодушен к этим рассказам, потому что Уздечкин ему не нравился.

Что он делает, этот человек! Он вытаскивает из нагрудного кармана гимнастерки целую стопку листков. Кажется, он намерен делать доклад длиннее, чем у Макарова...

Худыми пальцами он пытается застегнуть пуговицу, пуговица отрывается, он роняет ее на пол. Кто-то в президиуме нагибается и подает ему пуговицу.

— Вопрос, товарищи, не в прессе, — говорит Уздечкин, — пресс — это, в общем, мелочь. Вопрос гораздо глубже и принципиальнее...

Фу-ты, как скучно начал. Ближе к делу. Говори прямо, как я тебя зажимаю...

— Что я обнаружил, вернувшись на завод? Обнаружил прежде всего, что дирекция не имеет контакта с завкомом и не стремится к этому контакту...

Врешь, прежде всего ты обнаружил, что завод перевыполняет программу из месяца в месяц. При старом директоре не вылезали из наркомата, плакались — скиньте процентов пятнадцать, не управляемся, мощности не хватает...

— Никакой согласованности у нас, по сути дела, нет, а есть только единоначалие, точнее сказать — единовластие, еще точнее — директорское самодержавие...

Смотри, какая точность...

— Никогда наш завком не занимал в жизни предприятия такое ничтожно малое место, как сейчас...

Кто ж тебе виноват, голубчик? Сумей занять большое место. Сумей...

— Прежний директор считался с нами, он умел поддерживать престиж профсоюза на заводе...

Да своего-то престижа не поддержал, вот беда. Сняли за непригодность...

— Товарищ Листопад пытается подменить собой профсоюзную организацию...

— Факты! Факты! — с легким нетерпением говорит Макаров.

— Пожалуйста. Товарищи, вот здесь записаны факты за один только последний год...

Он потрясает перед залом пачкой листков. Губы у него серые.

Зотов оставил свой блокнот и с приоткрытым ртом смотрит на Уздечкина. Прищурившись, зорко смотрит Макаров. Все смотрят. Такого выступления за годы войны не слышали на городском активе.

Уздечкин перечисляет невыполненные предложения технических конференций. Порядочно — штук двадцать. Есть очень дельные. Черт его знает, и в самом деле: почему они не выполнены? Одни — потому, что параллельные проекты разрабатываются у главного технолога, другие как-то забылись за более срочными делами...

— Вывод такой, что директор плохо прислушивается к голосу масс...

Печальный вывод.

— ...зато каждое требование главного конструктора выполняется моментально, как будто это приказ наркомата...

Да, старичка берегу, что верно, то верно.

— У главного конструктора ревматизм или там подагра, так он перенес работу отдела к себе на квартиру. Инженеры ходят к нему заниматься. Товарищи, это же недопустимое явление: что за частная контора в условиях социалистического производства!

А уйдет главный конструктор на пенсию — лучше будет? Другого такого не скоро сыщешь.

— Или возьмем историю с начальником литейного цеха Грушевым. Завком против того, чтобы его премировали; а директор премирует, что называется, каждую пятницу. Лично я высказывался и против награждения его орденом.

— Почему? — спрашивает Макаров.

— Потому что у рабочих определенное мнение о нем. Потому что Грушевой думает только о своей выгоде, как бы выдвинуться... Но директор к нам не прислушался.

А мне некогда разбираться, о чем Грушевой думает. Цех Грушевого систематически перевыполняет программу по взрывателям, и я представляю Грушевого к награде, — просто и ясно.

— ...Если требуются средства на наши культурно-массовые или бытовые мероприятия, то директор отпускает неохотно, и приходится долго просить и доказывать. И в то же время за победу над командой «Спартак» он дал каждому из наших футболистов по тысяче рублей, а вратарю две тысячи...

— Нет, правда? — Зотов живо поворачивается к Листопаду. — Ух, черт!.. — говорит он с восхищением.

— Невозможно определить, чем руководствуется директор в своих симпатиях и антипатиях. Ме-